

В. С. Соловьёв

(1849 – 1903 гг.)

МЫСЛИ О НАУКЕ И ОККУЛЬТИЗМЕ

Издавна усилия человечества направлены к тому, чтобы отрастить себе крылья, чтобы победоносно бороться с временем и пространством.

Древние работники, открывшие свою великую науку, созидавшие её и совершенствовавшие, не имели никакого права передавать её каждому. Мало явиться в собрание знающих и сказать: «Я хочу знать». Следует доказать ещё свою способность не только постигнуть науку и воспринять её, но и, владея ею, не злоупотреблять своими познаниями, не творить посредством их зла.

Официальная наука, идя своим тяжёлым и медленным, черепашьем шагом, не поднимает головы и видит только то, что у неё под ногами.

Что мешает человеку, обладающему духовным знанием, поделиться им с людьми, сделать его достоянием науки? Только то, что он считает всю современную науку ничтожной, что с каждым годом, приобретая всё новые познания, он всё более и более убеждается, до какой степени они ещё слабы. И если люди, называющие себя «учёными», действительно считают себя таковыми и если все им верят, то это не иное что, как всеобщее заблуждение.

Такой человек ясно и хорошо видит, что самые смелые и серьёзные из современных ему учёных попрежнему бродят впотьмах; до сих пор никто из них не решил как следует и бесспорно ни одного из простейших вопросов, касающихся природы и жизни.

Видят явления природы и жизни, наблюдают их, разъясняют, противоречат и друг другу и себе в этих разъяснениях, а причина явлений остаётся тайной. Работают целые века над расширением могущества человека, над порабощением сил природы – и продолжают оставаться рабами этой таинственной природы, которая из-под своего непроницаемого покрывала насмешливо смотрит на жалкие усилия слепых пигмеев.

Есть люди, и в особенности между учёными всех времён было и есть много таких людей, которые или с чужого голоса, или даже путём собственной мыслительной работы дойдя до известных понятий, уже решительно не в состоянии сойти со своего места. Вне точки, на которой они остановились, им всё кажется заблуждением и нелепостью. Они не признают для себя возможности никаких ошибок. Если свидетельства их собственных чувств противоречат их теориям и выводам, они не хотят ни видеть, ни слышать, ни осязать, они закрывают глаза, зажимают уши – и бегут дальше от явления, грозящего доказать их несостоятельность, бегут с упорным криком: «Этого быть не может, это противоречит здравому рассудку, это нелепость!»

Но дело вовсе не в том, что «этого быть не может и что это нелепость», а просто в том, что человеку очень спокойно на своём пригнетом, облюбованном и комфортабельно устроенном местечке. Иной раз, если это действительно учёный и мыслитель, он ведь столько поработал, столько сил и жизни вложил в созидание своего мировоззрения, был его глашатем, знаменосцем. И вдруг какое-то странное явление грозит разрушить до основания всю эту работу целой жизни, доказать неосновательность и близорукость работника! Нет, следует закрыть глаза, зажать уши, объявить дерзновенное, назойливое явление нелепостью и остаться у своего знамени, на своём месте.

Но эти люди своим образом действий прежде всего доказывают, что они работали лишь для собственных удобств, отдыха и лени, а не для истины, что они малодушные трусы, заботящиеся не о том, чем *быть*, а о том, чем *слыть*, пуще всего боящиеся свистков и глумлений современной им толпы. И никогда подобным людям не покажет истина бессмертной красоты своей!

Если ты более чем равнодушен к мнению о тебе неинтересных и ненужных тебе людей, если работаешь не для известности среди современников, никогда не думая ни о каких свистках или овациях, то уже по одному этому ты свободен в своих занятиях от всяких искушений и смущений.

Собственный разум и собственное чувство – это единственные и безапелляционные твои судьи, и они решают, что слишком легкомысленно и недостойно глубокого искателя истины отворачиваться от несколько раз повторённого факта только потому, что неисследованная причина этого факта представляется кому-то нелепостью.

Чем больше живёшь и работаешь, тем больше убеждаешься в заблуждении считать человечество шествующим постоянно вперёд, без остановок и с каждым веком приобретающим всё больше знаний. Нет, если получают новые знания, то многие прежние забываются, исчезают.

Человечество, или, вернее, отдельные, более развитые его части имеют свой день и свою ночь. Работающая часть человечества, совершив свой труд, покончив свой день, утомляется и засыпает. Настаёт ночь с бурями, грозами и дождями. Ночная непогода ломает и смывает труды спящих работников, и когда при наступлении утра поднимаются на труд новые работники, они застают прежнюю работу в развалинах: иное приходится переделывать, другое начинать снова, так как прежнее совсем погребло, исчезло, забылось. И кончается тем, что новые работники совсем разрушают всё здание и принимаются возводить его по новому плану, употребляя при этом совсем новые приёмы в работе. Но ведь на этот новый план, на выработку новых приёмов и орудий потребны века – поэтому-то постройка и идёт так медленно.

На закате нового трудового дня человечества, перед наступлением новой ночи, истинные знания будут глубже и серьёзнее, чем были они в предшествовавший вечер человечества. Но ведь теперь-то, в этот ранний утренний час, в час подготовительной работы, человеческие знания ничтожны сравнительно с теми, какими обладали древние работники перед наступлением неизбежной ночи, почти разрушившей следы их работы.

Тот, кто живёт не в настоящем, а в будущем и для будущего глядит на своё настоящее, того одиночество не тяготит. Он глядит на эти однообразно сменяющиеся дни и ночи, как на нечто временное, почти как на тюремное заключение. Но тоска и мрак тюрьмы едва им замечаются, ибо весь он, мыслью и духом, в той радостной минуте, когда наступит светлая, широкая и счастливая свобода.

Если б можно было отнять у него эту веру и это убеждение, он не задумываясь покончил бы с собою, так как ему пришлось бы тогда остаться с одним только настоящим, т.е. с вечной, безнадежной тюрьмой.

По мере того, как человек живёт, по мере того, как он всё быстрее и быстрее приближается к старости, он начинает мириться с мыслью о смерти. Потеря близких, друзей и сверстников поражает всё меньше и меньше. Человек ко всему привыкает, привыкает он и теряет то, что было близко и дорого.

Всему свой час и своё время, пожил человек, пожил на свете, да умер. Как тому и быть иначе?!

Бессмертный дух человека готовится покинуть свою земную, материальную оболочку: одна форма материи перейдет в другую, послужит материалом для бесконечного разнообразия проявлений жизни, жизнь духа вступит в новое состояние.

Если этот процесс, представляющийся темным людям таким таинственным, печальным и страшным, а в сущности такой простой и прекрасный, уже начался, значит человек остановился на пути своем и дальше идти не может, не может больше развивать свой дух. Значит, пора ему отдохнуть, и затем, уже в новом образе и в иных условиях существования, продолжать очистительную работу духа.

Всё обман и ничтожество, всё – игра преходящих форм, сменяющих одна другую. Будь выше земного обмана, выше того, что в своем жалком неведении ты называешь бедою и горем, страданием и утратой.

Отрешись от земного праха! Гляди смелее, гляди назад с равнодушием, а вперед – с надеждой. Будь достоин принять и вместить в себя вечную мудрость, бестрепетно встречай первые посылаемые тебе лучи мирового солнца!

Всё что здесь, всё это – для жалкого земного существования. А что оно такое это существование, когда за ним – бесконечность жизни? Кратковременная неволя, быстро мелькающие, как тень, как призрак, месяцы и годы.

Терпеливо носи свои оковы и жди. Оне спадут – и ты поймешь тогда всё, что кажется теперь непонятным и несправедливым, жестоким и горьким. Поймешь, откуда взялось то, что ты называешь горем и мукой, и зачем оно было неизбежно. И ты благословишь свое горе и свою муку за то, что они омыли и расправили твои загрязненные крылья.

Ты оставишь здесь всё, без сожалений и тревоги, и унесешь с собой только лучшие мгновения, только чистые грёзы, унесешь с собой и любовь свою, но очищенную от земной грязи, и сам ты её не узнаешь – так будет она светла и радостна, и уж не помрачит её никакое грубое прикосновение.

© П.А.Гелева